





ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

**СЫЩИКИ
45-ГО**



МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Сыщики 45-го / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с. — (Беспокойное лето 45-го. Послевоенный детектив).

ISBN 978-5-04-199717-5

Вернувшийся с фронта капитан Алексей Черкасов назначен на должность начальника уголовного розыска одного из крупных райцентров. За последнее время здесь совершено сразу несколько дерзких преступлений: ограблено отделение Госбанка, расстреляна сходка воровских авторитетов, перебита правительственная комиссия, приехавшая с проверкой на завод... Бандиты владеют ситуацией, они жестоки, решительны, умны и хладнокровны. Не исключено, что это агенты абвера, оставшиеся в городе для подрывной работы. Неизвестно, на сколько бы затянулась эта война, если бы капитан Черкасов случайно не встретил странного человека, оказавшегося ценным свидетелем...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шарапов В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-199717-5

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Состав дернулся, заскрипел, вагоны лениво пришли в движение — потащились мимо безымянного полустанка, на котором торчали минут двадцать, пропуская эшелон. Поезд был старый, скрипучий, сформированный из чего попало: общие вагоны, плацкартные, несколько теплушек и даже пара санитарных вагонов, списанных с баланса военного ведомства.

Состав ускорился, колеса бодро застучали по стыкам. Вернуться в график было невозможно, но машинисты старались.

В стареньком плацкарте царила духота — окна не открывались. Народу было — как килек в банке. Большинство уже проснулись — восемь утра. Плакал ребенок, ворчали небритые мужики. Лохматый тип в тельняшке заразительно зевал, почесывая волосатую грудь.

— Мужчина, не тычьте мне в нос свой рваный носок, — возмущалась женщина. Сдавленно хихикал пошловатый сосед: не то, мол, тычешь, това-

рищ, и не туда. Начинались хождения, кто-то собирал вещи. Выстраивалась очередь у санузла в конце вагона. Второй туалет в другом конце по старой доброй железнодорожной традиции был недоступен простым смертным.

Пассажирский поезд следовал из Москвы в Минск. Перед рассветом был Смоленск, стояли минут сорок по техническим причинам. До прибытия на станцию Уваров оставалось полчаса. Стоянка — пять минут, а следующая — за административной границей Белорусской ССР.

Алексей поднялся, спустился с боковой полки, таща за собой вещмешок. Глянул на массивные командирские часы марки «Победа», их теперь помимо циферблата оснащали еще и календарем: 26 мая 1946 года.

Женщина лет сорока в кофте и шерстяной юбке оценила его взглядом. Этот пассажир отличался от основной массы. Затертая, но еще презентабельная кожаная куртка, под ней — брючный костюм, водолазка. Мягкие сапожки, не успевшие испачкаться. Сам осунувшийся, круги под глазами — что-то давнее и неприятное впечаталось в облик. То же в коротких волосах, тронутых сединой, — явно не по причине возраста. На столике офицерская фуражка. Но вроде не офицер, хотя и не гражданский — мутная личность...

Временами он и сам путался: кто он такой? До Победы все было ясно, а теперь, когда повсюду мирная жизнь, все стало сложнее.

Он отвернулся к окну. За полотном бежали поля и перелески, мелкие полустанки, деревушки за зеленеющими деревьями. Совсем недавно страна отметила первую годовщину Победы, уже оправлялась от войны, зализывала раны. Восстановление всего, что уничтожено, шло ударными темпами — без выходных и праздников, ценой чудовищных усилий. Оживали предприятия, строились новые, восставали из пепла города. Но приметы войны сохранялись в нищете населения, в пугливых лицах, в нехватке всего и вся, особенно продуктов. Многие деревни оставались призраками, посевные площади зарастали.

Вдоль полотна чернели воронки от снарядов, мелькала сгоревшая бронетехника, благополучно обрастающая бурьяном. Бои на Смоленщине шли тяжелые — и в 41-м, и в 43-м, когда немцев гнали обратно. Страна не могла разорваться, чтобы мигом очиститься от этих проклятых примет...

Зачесалась переносица, легкое неудобство — явно профессиональное. Алексей Черкасов отвел глаза от окна, уставился на фуражку, потом осторожно мазнул взглядом пространство вдоль прохода.

Мужик в тельняшке прекратил чесаться, скинул на пол ноги. Шушукались пожилые женщины. Рябой бородач в мятой жилетке развернул кулек с четвертинкой хлеба, осторожно пристроился к столу, чтобы не рассыпать крошки. На него смотрела с верхней полки девочка с косичкой. Молодая женщина в берете и тонком пальто обложилась вещами — объемным свертком и облезлой сумочкой. Очевидно, выходила в Уварове, решила подготовиться заранее.

У женщины было приятное личико и большие глаза. Она заслонила сумку плечом и пересчитывала в кошельке деньги, думая, что ее никто не видит. Но видели все. Особенно худосочный тип, сидящий в соседнем отсеке. Он моргал, шурился, мимика его неприятного лица постоянно менялась. Он то и дело потирал костяшки кулака, украшенные выцветшей татуировкой.

Тип вперился в девушку, потом шмыгнул носом и отвел глаза. Блатной просчитал и зафиксировал клиента, и даже примерную сумму в кошельке. Несколько червонцев, пара купюр посолиднее — их называли билетами Государственного банка СССР. Рубли, пятерки, трешки — это государственные казначейские билеты.

Девушка затолкала кошелек на дно сумки, посмотрела по сторонам — в принципе, пуганая, хотя

и наивная. Для опытного вора — желанная фигура. Моргун уже тарасился в пол, на губах блуждала ехидная ухмылка. Правильно подготовить клиента — половина дела.

На Черкасова мужичонка не смотрел — развалился, засвистел, вытянул ногу поперек прохода, о которую тут же запнулся шедший из туалета гражданин, за что и получил порцию не вполне цензурных упреков: мол, куда прешь, не видишь, люди сидят! Гражданин предпочел не связываться, да и Моргун не задержался — пару раз зевнул и заспешил по проходу в другой конец вагона. По виляющей походке — никак не пролетарий.

В хвосте вагона находился его сообщник — приземистый полноватый субъект с водянистыми глазами. Бритый череп, мешковатые штаны, отвороты рубашки поверх лацканов пиджака — при этом сама рубашка расстегнута чуть не до пупа. Характерная публика даже не пыталась закосить под порядочных. Люди опасливо поглядывали на них, теснее прижимали к себе баулы.

Воровская бригада имелась практически в каждом поезде, а то и не одна. Эту породу Черкасов знал как свои пять пальцев.

Алексей выглянул с места: блатные шептались, Моргун кивал вдоль прохода. Решали, где лучше ее подрезать — на вокзале, в толчее, когда публика

потянется к выходу? Ажиотаж создается искусственно, достаточно кого-то обругать, наступить на ногу...

Девушка пребывала в блаженном неведении. Она уложила вещи, достала потрепанную книжку с закладкой и погрузилась в чтение. У нее был симпатичный курносый нос, зеленые глаза с большими ресницами. Взгляд бегло скользил по строчкам — читала она быстро. Денис Фонвизин, «Недоросль», бытовая комедия, высмеивающая нравы буржуазного общества. Весьма прогрессивный писатель, хотя и страшился отмены крепостного права, призывал к его «умеренности», и чтобы никакой безумной «пугачевщины»...

Сообщники отправились в тамбур в противоположном конце вагона — покурить. Жертва никуда не денется.

Девушка изящно перелистнула страницу. Алексей поднялся, забросил за спину вещмешок — она и ухом не повела. Он направился по проходу — одолел наполненное пассажирами пространство, каморку проводника, не подающую признаков жизни, проржавевший титан, запертый туалет, отворил скрипучую дверь тамбура.

Блатные стояли у двери с зарешеченным окном, курили папиросы, плевались и сыпали матерками. Алексей прикрыл за собой дверь. Собеседники за-

молчали и вопрошающе уставились на него. Чело Моргуна омрачилось, он заморгал еще сильнее. У его напарника при ближайшем рассмотрении проявилось бельмо на глазу. Он смотрел тяжело, с вызовом.

Молчание затянулось. Человек в фуражке не собирался проходить в соседний вагон и папиросу не доставал. С интуицией у этой парочки все было в порядке.

— Вопросы, гражданин? — скрипуче оскалился приземистый и будто ненароком поворотился, облегчая доступ к предмету, пристроенному за поясом.

— Скорее ответы, — отозвался Черкасов. — В общем, так, вольная дружина. Брать вас в поезде со всеми формальностями мне почему-то не хочется. Поступим так: очень медленно достаем ножи, бросаем на пол, потом открываем дверь и по одному сходим с поезда. При этом улыбаемся и благодарим за снисхождение. Есть еще пара вариантов. Первый: получаете промеж моргал, а дальше как обычно — суд, тюрьма, этап, солнечная Колыма. Вариант второй: пуля, деревянные бушлаты, и ничего мне за это не будет, потому что вы первыми начали. Выбирайте, граждане...

Воры переглянулись. Руки у человека в фуражке вроде пустые... Моргун облизнул губы. Второй потянулся к ремню, почесал пузо.

— И что мы тут матом смотрим? — оскалился Черкасов. — У меня заячья губа с волчьей пастью?

— Начальник, ты че борзеешь? — сипло исторг Моргун. — Мы че тебе сделали? Едем, никого не трогаем...

— Вот только баки не вколачивай, — поморщился Алексей. — Будем прыгать?

Приземистый решил — выдохнул с разворотом, выхватывая финку с костяной рукояткой, и... ахнул, получив резкий удар в живот. Нож выпал, жулик ударился спиной о дверь, застонал. Завизжал подельник, бросаясь в бой: нож он выхватить не пытался, крючковатые пальцы тянулись к горлу обидчика. Алексей вывернул их без жалости, фактически прижав к тыльной стороне ладони.

Противник взревел белугой. Алексей отпихнул его, выхватил «ТТ» из бокового кармана — так надоело пачкать руки об эту мразь! И очень некстати: распахнулась дверь, и из вагона на перекур вышел пассажир. Воплей он не слышал — поезд трясся, колеса гремели на стыках рельсов. Обнаружив под своим носом ствол, пассажир выпучил глаза, закашлялся.

— Назад! — Алексей толкнул дверь, загоняя гражданина обратно в вагон. Снова вскинул пистолет — грабители собирались воспользоваться моментом, но не успели, застыли в нелепых позах.

— Нет уж, — сказал Черкасов, — ваши не пляшут, пацаны. Еще движение не туда, и вам кранты. Дверь открываем и высаживаемся. Конечная остановка, слазь, говорю!

Он сделал зверское лицо, палец натянул спусковой крючок. Моргун задергался, вжался в угол. Здоровой рукой он нянчил пострадавшую конечность, та немела и пухла на глазах. У второго подгибались ноги, он прерывисто дышал, смотрел как загнанный волк. Дверь проводник не закрывал, да и не смог бы — замок заклинило еще, наверное, до войны. Функционировала только защелка. Блатной косо поглядывал из-за плеча, дрожащая рука поворачивала ручку. В тамбур ворвался ветер, грохот несущегося состава. Парням не фартило — поезд неплохо разогнался. Мелькал откос, заваленный щебнем, редкие кусты за пределами железнодорожного полотна.

— Смелее, — сказал Алексей. — Есть шанс, что выживете.

— Ладно, командир, мы еще встретимся... — проворчал приземистый, — у тебя еще будет время пожалеть...

— Даже не мечтай. Проваливай, пока я не начал стрелять.

Приземистый распахнул дверь, присел, завыл от переизбытка чувств. Выжить в прыжке, конечно,

можно, но вот сохранить скелет... Он выпал наружу, его тоскливый вой унесся прочь.

У Моргуна от ужаса закатились глаза. Он сползал по стеночке, бормотал: «Не трожь, сука, не имеешь права...»

Терпение лопнуло. Алексей схватил его за грудки, оттащил от болтающейся двери, а когда та от резкой встряски распахнулась настежь, вышвырнул вора из вагона. Мелькнули объятые ужасом глаза и слюна на небритом подбородке.

Черкасов убрал пистолет в карман, перевел дыхание. Осторожно высунулся наружу. Поезд шел по прямой, окрестности полотна были чисты от растительности. Первый уже скатился с насыпи и теперь валялся в нелепой позе. Вроде живой — сделал попытку подняться, но опять упал, забился в приступе. Моргун еще летел — то бревном, то кувырчался через голову. Грохот поезда глушил их вопли.

Алексей удовлетворенно хмыкнул. Социалистическая законность в действии...

Он выпихнул ногой нож, захлопнул дверь. Заправился. Покурил. До станции оставалось немного. Потянулись городские пейзажи: дощатые строения пристанционных поселков, взорванные при отступлении немцев механические мастерские.

Когда он вернулся в вагон, там уже начиналось движение. Поезд замедлялся, въезжая на станцию.

В Уварове многие выходили, народ тянулся по проходу с вещами.

Девушка в берете прижимала к груди сумочку, неловко держала под мышкой сверток, обмотанный бечевой.

Алексей сидел на месте, ждал, пока человеческая каракатица выберется из вагона, потом пристроился в спину гражданке с чемоданом, помог ей выволочь на перрон тяжелую ношу.

Главный путь был занят составом под парами — он стоял у здания вокзала, вокруг бегали люди. Высадка производилась у перрона четвертого пути. На пятом стоял еще один пассажирский состав — он следовал на восток.

Здесь былолюдно, работала пара киосков. Выход в город — через виадук, виднеющийся на горизонте. Туда тянулись пассажиры с обоих поездов, волокли чемоданы, катили громоздкие тележки.

Любительница русской классики ушла вперед, она явно спешила. Алексей тоже не планировал наслаждаться железнодорожным хаосом. Он обогнал несколько человек, пошел по краю перрона.

Погода для конца мая была так себе: дул ветерок, и пальто с куртками выглядели уместно. Станция гудела. Ругался гражданин — он спешил на отходящий поезд, оторвалась ручка от чемодана — мужчина взваливал его на себя, сгибаясь под

тяжестью, а рядом прыгала женщина, визжала, что они не успеют и пропадут такие дорогие билеты!

Алексей проводил их взглядом — вроде успели, при этом вступили в перепалку с проводником. Прыгал на костылях одноногий инвалид в фуфайке, умолял кинуть ему пару монет на пропитание. Алексей поморщился, сунул в артритную ладонь мелочь и заспешил прочь, чтобы не выслушивать слова благодарности.

Измельчал народ без войны. А ведь наверняка фронтовик, имеет жилье, социальные льготы. А во что превратился, рожа пропитая!

Пиликала гармошка — еще один увечный сидел у киоска и растягивал меха. Заезженные «Три танкиста». Гармонист не попадал в ноты, но имел такую мужественную физиономию, что фальшь ему прощалась.

Какая-то разнузданная какофония — гомон, гармошка, воздух, со свистом выдуваемый из сцепных устройств. У вокзала надрывался динамик: Клавдия Шульженко исполняла «Синий платочек» — самую невоенную из всех военных песен, намертво вжившуюся в душу каждого солдата. Простые слова, человеческая теплота в голосе — и вот он — мощный психологический эффект!

Война впиталась в плоть и кровь людей, новый порядок пока не приживался. Знакомиться с

девушкой не стоило — не для того он сюда приехал. Хотя... Он усмехнулся — эдак подъехать, расшаркаться: мол, мое почтение, я ваш спаситель, все такое. Ну, пусть покрутит пальцем у виска.

Шаги машинально ускорились. «Синенький скромный» берет, под которым трепетали русые кудряшки, уверенно приближался. Виадук тоже был близко. Сверток выпадал из рук, девушка перехватывала его, с плеча спадала сумочка, в которой лежал кошелек.

Навстречу вихляющей походкой шел еще один кадр. Руки в брюки, безмятежно посвистывает, козырек клетчатой кепки сдвинут на лоб. Глаза шныряют по идущим навстречу людям. Очередной «профессионал»?

Алексей перехватил его взгляд, на миг показалось, будто тип усмехнулся. Как он зацепил локтем девушку — случайно или намеренно? Просто так, чтобы сделать гадость? Она оступилась, сумка повисла на предплечье. Сверток выпал в железнодорожную решетку, которая находилась в приличной яме! Перрон был гораздо выше пути.

Типа в клетчатой кепке и след простыл — пролетел мимо и пропал. Девушка ахнула, с ужасом уставилась на сверток, валяющийся между шпалами. Хорошенькое личико сморщилось. Никто не

спешил помочь, люди обходили ее, сочувственно поглядывая.

Алексей кинулся на помощь в тот момент, когда она уже собиралась спуститься за свертком.

— Девушка, подождите, я достану... — Он схватил ее за рукав, оттеснил и полез вниз. Дело несложное, кабы не пронзительный гудок, неожиданно ударивший по мозгам! По пути со стороны виадукта приближался маневровый тепловоз! Машинист отчаянно сигналил. На перроне галдели люди, девушка кричала, тянула к Алексею руки.

Он вышел из ступора, засуетился. Паровоз уже рядом, гудит как сумасшедший. Это не машина, сразу не остановится. Почему не заметил? Дыхание перехватило. Черкасов схватил сверток двумя руками и выбросил его на перрон. Кинулся прочь, споткнулся об рельс, чуть не растянулся.

Это здорово взбодрило после монотонной езды в поезде! К Алексею тянулись руки — нет, не вытянут, уж лучше сам. Он схватился за край перрона, подался вверх, перекатился. И даже пара секунд осталась в запасе. Маневровый протащился мимо, красный от волнения машинист крыл Черкасова из окошка матом.

— С ума сошел, — прокомментировал ситуацию мужчина с двумя кулями. — И что, легче стало?

Народ посмеялся и снова потянулся к виадуку. Девушка бросилась за свертком, что-то забормотала. Растерянно обняла свое добро, стала ощупывать.

— Ну, зачем вы так? — проговорила она. — Спасибо вам огромное, здесь такие ценные наброски и гравюры... Даже не представляю, что бы с ними случилось...

— Значит, не напрасны были жертвы? — подмигнул Алексей. — Да все в порядке, размялся малость. Мы ведь обязаны помогать ближним?

— Да, я вам очень признательна, даже не знаю, как и благодарить... Извините, пожалуйста, я так спешу. А тут еще поезд опоздал...

— Да ради бога, разве я вас задерживаю? Будьте осторожны, барышня, берегите себя.

Она убежала, смущенная, с пылающими щеками, озиралась, явно не понимая, правильно ли поступает. Не перевелись еще в российских селениях тургеневские девушки. Он не стал ее догонять, не стал набиваться на знакомство. Некогда — дела. А городок маленький — встретятся еще...

На виадук он поднялся в гордом одиночестве. Все ушли. Наверху господствовал ветер. Все железнодорожное хозяйство было видно как на ладони. Пять путей, и все забиты составами — пассажирскими, товарными, наливными цистернами. На первом пути у

затрапезного вокзала стоял воинский эшелон с возвращающимися домой солдатами. Там тоже пиликала гармошка, бродили люди в форме, мелькали офицерские фуражки. Состав следовал на восток — через Смоленск и далее. Армия сокращалась медленно, поэтапно. Основная волна демобилизации началась лишь в феврале 46-го, три месяца назад. Государство брало на себя обязанность обустроить бывших красноармейцев, в течение месяца обеспечить работой, защитить семьи погибших. На деле так происходило не всегда. Семьи убитых и инвалидов получали кое-какую поддержку — их дома в первую очередь снабжали углем и дровами, они получали небольшие денежные суммы. Основная же масса вернувшихся с фронта не имела никаких льгот, каждый крутился, как мог. Работы в разрушенной стране было вдоволь, но не каждый мог найти себе занятие по душе.

Алексей с любопытством осмотрелся. Как же долго он здесь не был! На вокзале красовался алый транспарант: «Пятую пятилетку в четыре года — выполним!» В стране не хватало самого необходимого, но это не относилось к средствам пропаганды и агитации. Первую послевоенную пятилетку могли завершить и в четыре, и в три года. Стране не в диковинку совершать невозможное.

На севере, за железнодорожным полотном, город обрывался — станция находилась на самой окраи-